

А. Бемъ. Тайна личности Достоевскаго. (Alfred Bém: Tajemství osobnosti Dostojevského). Прага. 1928. Стр. 140.

Въ лежащемъ передъ нами томикѣ собраны статьи отчасти уже извѣстныя русскому читателю. (Статья «Тайна личности Достоевскаго» напечатана въ сборникѣ «Православіе и культура» Берлинъ, 1923), «Развитіе сна» — въ «Ученыхъ Запискахъ», Прага, 1923, т. I, «Игрокъ» — въ «Современныхъ Запискахъ», т. XXIV, и только статья «Драматизация грёзы» до сихъ поръ не печаталась). — Статьи А. Д. Бема представляютъ особый интересъ благодаря тому, что авторъ становится на первый взглядъ на «старомодную» точку зрѣнія и пытается освѣтить творчество молодыхъ годовъ Достоевскаго въ тѣсной связи съ его личностью, его жизнью и всѣмъ его міровоспріятіемъ... Въ рѣзкомъ и сознательномъ противопоставленіи теоріямъ представителей «формальнаго метода» А. Д. Бемъ хочетъ соединить задачи историко-литературнаго и психо-біографическаго изслѣдованія. Намъ представляется, что результаты работы вполнѣ оправдываютъ примѣненіе такого «старомоднаго» метода. (Этимъ, конечно, еще ничего не сказано объ ошибочности формальнаго метода при разрѣшеніи иныхъ задачъ). Ибо психологическій анализъ автора не подгоняетъ фактовъ подъ сухія и скучныя схемы школьной психологіи, а историко-литературный — не ограничивается ни разборомъ «идейнаго содержанія», ни анализомъ приемовъ творчества, но пытается исходить изъ художественнаго произведенія, какъ единства того и другого, и основу этого единства вскрываетъ въ личности автора. Несмотря на цѣлый рядъ работъ о молодыхъ годахъ Достоевскаго, появившихся за послѣднія нѣсколько лѣтъ, ранній періодъ жизни и творчества Достоевскаго освѣщенъ еще далеко недостаточно и автору рецензируемаго сборника статей удалось пролить новый свѣтъ на рядъ вопросовъ недостаточно или вовсе неосвѣщенныхъ въ литературѣ.

Основное положеніе, изъ котораго исходятъ всѣ анализы автора, — разгадку своеобразія творчества Достоевскаго надо искать въ нѣкоторомъ своеобразномъ укладѣ его личности въ ранніе годы его жизни, укладѣ, который можно словами самого Достоевскаго опредѣлить, какъ «мечтательство». Основную особенность «мечтательства» А. Д. Бемъ видитъ въ потерѣ рѣзкости различенія реальности отъ сна, мечты, галлюцинаціи. А мечты и сны являются вѣдь не чѣмъ инымъ, какъ воплощеніемъ, выявленіемъ скрытыхъ, неосознанныхъ стремленій, влеченій Достоевскаго, влеченій, въ которыхъ раскрывались Достоевскому «обѣ бездны» — и небеса и «бездна содомская» (А. Д. Бемъ, такимъ обр., не находитъ нужнымъ искать объясненія чуткости Достоевскаго къ грѣховнымъ сторонамъ человѣческой природы въ какихъ-то намъ неизвѣстныхъ темныхъ страницахъ біографіи Достоевскаго, — и въ этомъ вопросѣ онъ, если и не правъ, то его деликатность по отношенію къ памяти великаго писателя заслуживаетъ только похвалы, ибо — какая польза наукѣ отъ оскверненія могилы Достоевскаго все равно недоступными провѣркѣ омерзительными подозрѣніями).

о различных эпизодах его жизни?). Творчество Достоевского, по крайней мере в ранние его годы, и есть разрывание сна и мечтаний, попытка снять, если не в самой жизни, то в сфере творчества, границы между «реальностью» и сном, впрочем — темъ, что «сномъ» считают люди... Уничтожение этой границы — или по крайней мере чрезвычайно ее нервозность — и есть то, что отличает героев ранних произведений Достоевского... Задачей конкретных анализов, производимых автором в отдельных статьях сборника, и является показать, что художественная конструкция ранних произведений Достоевского тождественна или близка психологической структуре сна. А. Л. Бемъ подтверждает это положение не только на общем стилистическом анализе творчества Достоевского в целом, но и на анализах отдельных произведений и на анализах отдельных мотивов (напр., раздвоение сознания), упорно повторяющихся в ранних произведениях Достоевского. В этих анализах автор приближается к точке зрения Фрейда, однако не отягощая своего изложения школьной терминологией, иногда так невыносимой у записных фрейдистцев, и не впадая в тот пансексуализм, который у некоторых психоаналитиков доходит до таких размеров, что не остается в литературном произведении ни одного места, истинный смысл которого можно было бы изложить сколь-нибудь... печатно. А роль подсознательных моментов в процессе творчества Достоевского настолько несомнительна, что попытку серьезного освящения этой темы нельзя не приветствовать. — К сожалению, автор не успел принять во внимание новой работы о проблеме сна Л. Бинсвангера, в которой уделено место и Достоевскому.

Удачнее всего проведена основная мысль автора на анализе «Хозяйки» (в эту же «Драматизация грез»), А. Л. Бемъ тонко и тщательно разделяет те два, сплетенные между собою и — после анализов Бема я в этом сомневаюсь — сознательно все время Достоевским противопоставляемые друг другу слои — реальность и мечта, о которой мы всегда остаемся в сомнении, — не подлинная ли это жизнь. Все переживания Ордынова колеблются между несомненною реальностью — пошловато и прозаично и мечтою, которая, однако, так тесно сплетена с действительностью, что так и не знаешь до конца — действительность ли это только, так сказать, стилизованная под мечту, или же реальность тут совершенно переплавлена и растворена в мечте, и перед нами только сон и бред... — Не менее удачен и анализ «Вечного мужа», в котором искусство показано, что весь сюжет рассказа разветвляется из сна Вельчанинова, и только на их фоне становится понятен.

Статья об «Игроке», знакомая читателям «Современных Записок», посвящена выяснению биографической подкладки сюжета и деталей этой повести. Найденный автором и опубликованный Долинным дневник А. Суловой (отрывки из него приведены в предложении в конце книги) дает достаточный материал для освящения этой темы. — Особняком стоит вторая половина статьи о «Хозяи-

къ», дающая разбор литературных влияний на эту повесть. А. И. Бемъ пытается освѣтить проблему «влияний» по новому, понимая подъ этимъ именемъ не «заимствование», а «припоминаніе», т. е. привлечение въ самомъ процессѣ работы надъ художественнымъ произведеніемъ элементовъ изъ прочитаннаго и продуманнаго, при чемъ надлежитъ принимать во вниманіе и роль подсознательнаго. Не являясь простымъ подборомъ внѣшнихъ сходствъ (а вѣдь авторы, занимавшіеся выясненіемъ «влияний» доходили до того, что, напр., считали возможнымъ говорить о влияніи Жоржъ Зандъ на Тургенева, такъ какъ и та, и другіе называютъ траву одинаково—«зеленой»), работа Бема все же въ этой своей части насъ не вполне удовлетворяетъ. Бемъ устанавливаетъ въ «Хозяйкъ» слѣды влияній «Страшной Мести» Гоголя и «Ошибокъ» Э. Т. А. Гофмана. Первая изъ этихъ параллелей сводится къ установленію нѣкоторыхъ аналогій между парами Катерина-колдунъ въ «Страшной Мести» и Катерина-Мурина въ «Хозяйкъ». Однако несомнѣнное сходство ограничивается здѣсь общими чертами. — Вторая параллель является неполной. У Гофмана сюжетъ «Ошибокъ» подготовленъ длиннымъ рядомъ сходныхъ по сюжету рассказовъ — сюжетъ любви къ дѣвушкѣ, находящейся въ загадочныхъ отношеніяхъ къ какому-то таинственному старику приходитъ черезъ рядъ произведеній (особенно — «Der Sandmann», 1817 г.; «Rath Krespel», 1818 — изъ сходство сюжета этого рассказа съ сюжетомъ «Хозяйки» указалъ С. Родзевичъ въ оставшейся неизвѣстной А. Л. Бему статьѣ о влияніи Гофмана въ русск. литературѣ 40-хъ годовъ въ «Р.-Фил. Вѣст.» за 1916 годъ; «Signor Formica», 1819 и др.). Параллельно развивается тема любви къ безумной («Die Gelübde», 1817). Оба мотива слиты впервые въ странномъ рассказѣ «Видѣнія» (1817), гораздо болѣе напоминающемъ при всей своей простотѣ «Хозяйку», чѣмъ «Ошибки». — Но надо сказать, что мы вообще не придаемъ значенія «влияніямъ», — вѣдь самое сходство сюжетовъ можетъ объясняться и другими причинами, прежде всего самостоятельнымъ зарожденіемъ того же сюжета изъ сходныхъ элементовъ міровоззрѣнія обоихъ авторовъ. Въ этомъ смыслѣ замѣчательный примѣръ представляетъ какъ разъ «Игрокъ», повесть, биографическая подкладка которой выяснена А. Л. Бемомъ. Сюжетъ ея, но еще болѣе ея основная мысль — о полной изолированности, оторванности страстнаго игрока ото всего живого, поразительно напоминаютъ небольшой рассказъ Гофмана «Счастье игрока». Между тѣмъ нѣтъ никакой надобности искать какихъ либо источниковъ сюжета и идей «Игрока» Достоевскаго у Гофмана, — Достоевскій самъ пережилъ то, о чемъ онъ пишетъ въ «Игрокѣ». — Правда, установленіе «внутренняго средства» между авторами невозможно безъ установленія сходства между ихъ произведеніями; а установленіе «внутренняго средства» есть несомнѣнно одна изъ важнѣйшихъ, хотя и недостаточно до сихъ поръ принимаемыхъ во вниманіе задачъ историко-литературнаго изслѣдованія. — А. Л. Бемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ отмѣчаетъ элементы міровоззрѣнія поздняго періода Достоевскаго, проглядывающіе уже въ этихъ раннихъ произведеніяхъ. Эти замѣчанія

вполнѣ правильны и умѣстны, но мы ждали бы при анализѣ вліянія Гофмана и указанія на тѣ элементы міровоспріятія, которые у молодого Достоевскаго были общи съ Гофманомъ, — это именно обостренное чувство таинственнаго въ жизни и бытіи и обостренная боязнь «потерять себя». Между тѣмъ какъ разъ эти элементы міровоспріятія молодого Достоевскаго имѣли, по нашему мнѣнію, наибольшее значеніе и при созданіи сюжетовъ анализируемыхъ Бемомъ раннихъ повѣстей Достоевскаго и для выработки позднѣйшаго міровоззрѣнія Достоевскаго.

Наибольшимъ недостаткомъ книги является, что въ нее не вошли частью уже опубликованные этюды автора о другихъ раннихъ произведеніяхъ Достоевскаго. Заглавіе книги поэтому — значительно шире ея содержанія. Но, вѣроятно, это вина не автора, а издателя, не рискувшего выпустить на чешскій книжный рынокъ книгу большого объема. Очень жаль также, что у автора не нашлось мѣста для освѣщенія хотя бы двухъ изъ цѣлага ряда затронутыхъ, но не освѣщенныхъ имъ (по недостатку мѣста) темъ. Такою существенною темою мы считаемъ, во-первыхъ, проблему русскаго «мечтательства» (въ изображеніи автора «мечтательство» какъ будто черта присущая одному только Достоевскому). Въ этой связи мы ожидали бы и болѣе подробнаго освѣщенія «мечтателя» друга юности Достоевскаго — Шидловскаго. Работа М. Алексѣева о Шидловскомъ (Одесса, 1921), кажется, совсѣмъ не попала за границу, но о Шидловскомъ есть матеріалъ, напр., въ воспоминаніяхъ Вс. Соловьева о Достоевскомъ и въ статьѣ Рышетова въ «Русск. Архивѣ» 1886 г. — Къ сожалѣнію, не развита и другая весьма существенная тема — тема о «реализмѣ» Достоевскаго. Стали традиціонными формулы о «реализмѣ» русскіхъ классиковъ. Въ послѣднее время пробуждается сознаніе ошибочности и нелѣпости такого опредѣленія, напр., Гоголя — типичнаго романтика! Такой же пересмотръ традиціонной формулы необходимъ и по отношенію къ Достоевскому. А. Л. Бемъ дѣлаетъ рядъ интересныхъ замѣчаній на эту тему, (стр. 22 и слѣд.), но отъ подробнаго освѣщенія ея уклоняется. Между тѣмъ она тѣсно связана и съ основною проблемою книги—проблемою личности Достоевскаго и весьма важна сама по себѣ.

Всѣ эти замѣчанія не могутъ умалить интереса и значенія книги, совершенно необходимой и нужной и для чешскаго читателя. Подъ редакціей и съ примѣчаніями автора книги недавно появились по-чешски два дополнителныхъ тома собр. соч. Достоевскаго. Настоящая книга представляетъ такое же естественное дополненіе къ чешскому собр. соч. Достоевскаго, какъ и эти два тома.

Д. М. Чижевскій.